

Модернизация российского общества: историко-культурный аспект

С.Н. Ивашковский

В статье анализируются закономерности и противоречия модернизационных проектов, осуществлявшихся в разное время в России. Показано, что попытки модернизации носили фрагментарный характер, осуществлялись сверху и, как правило, не доходились до логического завершения. Важным уроком для нынешнего модернизационного проекта также должна стать необходимость пересмотра роли общества и культуры.

Сегодня российское общество опять оказалось на распутье. Перед ним снова, как и в середине 1980-х годов, встал вопрос «что делать?». Вступив в XXI век, страна столкнулась с масштабными технико-технологическими вызовами, огромными структурными дисбалансами и институциональными барьерами, препятствующими формированию современной экономики, ее приближению к стандартам передовых стран, что существенно ограничивает возможности повышения уровня жизни людей, полноценного и гармоничного развития личности.

В этих условиях исключительно важной становится задача модернизации всех сфер жизнедеятельности общества, и в первую очередь экономики. Сильная зависимость последней от экспорта минерального сырья и от иностранных финансовых рынков, отсталая структура производства, низкий уровень образования и здравоохранения, деградация человеческого и культурного капитала создают серьезные угрозы для долгосрочного развития страны и требуют поиска путей, ведущих к заметным изменениям в облике народного хозяйства, образе жизни и быте миллионов людей. Такие изменения могут обеспечить только подлинная диверсификация экономики и постиндустриальная модернизация, включающая как технико-экономические, так и социокультурные преобразования общества.

В России пока не сложилось ясное пони-

мание того, что такое модернизация и как она должна выглядеть на современном этапе. Если в мире модернизация воспринимается как обновление всех сфер жизнедеятельности общества с целью улучшения качества и комфорта жизни людей, то у нас под ней подчас понимается продолжение все той же политики наращивания количественных показателей, прежде всего ВВП. Можно встретить данные о том, что Россия по душевому производству товаров и услуг занимает достойное 73-е место из 228 стран, - по соседству с такими странами, как Хорватия, Литва и Чили, отставая всего в два раза от Франции, - что не так уж и плохо. Если удвоим ВВП - будем жить не хуже французов. При этом ссылки делаются на правительственную «Стратегию – 2020», которой предусмотрено, что в рамках диверсификации экономики доля высокотехнологичных отраслей составит порядка 20%, производительность труда вырастет в 2,5 раза, а в отдельных секторах в 5 раз, энергоэффективность - в 2 раза, среднемесячная заработная плата поднимется до 2700 долларов на одного человека¹.

При всей важности поддержания высоких темпов роста, как и любых других количественных показателей, надо отметить, однако, что в современных условиях нам необходим такой рост, который удовлетворял бы ряду дополнительных критериев².

Во-первых, рост должен сопровождаться прогрессивными структурными сдвигами, а не

консервировать хозяйственную систему, воспроизводящую экономическую отсталость и неэффективность. При этом надо иметь в виду, что прогрессивные структурные сдвиги могут сопровождаться снижением темпов роста, в том числе по причине статистического характера, когда новые сектора экономики плохо учитываются статистикой, ориентированной на традиционные отрасли национального хозяйства.

Во-вторых, темпы роста должны быть устойчивыми и сбалансированными на протяжении длительного периода, что свидетельствует об эффективности избранной экономической модели. Альтернативой является искусственное форсирование темпов роста за счет монетарной накачки спроса и государственных расходов, после чего неизбежно следует кризис или стагнация.

В-третьих, рост должен обеспечивать сокращение разрыва между Россией и наиболее развитыми странами мира - пионерами постиндустриальной модернизации.

В-четвертых, это должен быть реальный рост, не фальсифицируемый в угоду политической конъюнктуры и для поддержания рейтинга политических лидеров. Данное требование важно иметь в виду, поскольку у нас имеется «богатый опыт» такой фальсификации, особенно на этапе затухающего развития, когда снижение темпов роста происходит по мере исчерпания свободных мощностей и перехода к инвестиционной модели экономики. Достаточно вспомнить вторую половину 1920-х годов, когда объективное снижение темпов хозяйственного развития крайне раздражало власть, после чего начались первые в череде сталинских репрессий «процессы» над инженерами и экономистами, критиковавшими проекты «социалистической реконструкции». Именно тогда, отказываясь впредь от серьезного экономического анализа, академик С. Струмилин произнес слова: «Лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие»³.

Соблюдение перечисленных критериев в практике модернизационных мероприятий позволит придать экономическому росту другое качество, что в конечном счете будет способствовать улучшению условий жизни миллионов людей. Именно это должно стать конечной целью нынешней модернизации. Мыслить же только в системе количественных координат – значить обрекать себя на повторение печального прошлого, на своего рода «хождение по мукам». Для панорамного видения экономики и ее перспектив необходимо «отойти в сторону», тогда перед нами откроются не только новые горизонты, но и отчетливо будет виден не замечаемый ранее «ближний пейзаж», который на самом деле и являет собой настоящую экономику – реальных людей и все то, что они создают вокруг себя, как и чем они живут на самом деле.

В Сибири есть городки, где валовой про-

дукт на душу населения составляет больше \$100 000 в год (почти как в Катаре и больше, чем в Лихтенштейне). Средняя зарплата перед кризисом превышала \$1000 в месяц, что больше, чем в Хорватии или Литве. Однако, как отмечается в печати, на 50 000 жителей в одном из таких городков имеется 4-5 невзрачных кафе, в домах (если их можно так назвать) грязные подъезды, а около половины жителей вообще ютятся в двухэтажных деревянных бараках времен «строительства материально-технической базы коммунизма», в которых из кранов течет желтая вода с металлическим привкусом, а тротуары и асфальтированные дороги в основном отсутствуют. Но статистика – упрямая вещь: она утверждает, что жители этого городка по экономическому благосостоянию находятся на одной ступени с жителями «соседних» по списку Хорватии или Литвы. Здравый смысл подсказывает, что «удвоение ВВП» вряд ли позволит настолько изменить ситуацию в тысячах таких российских городков, чтобы люди в них жили так же достойно, как в Хорватии, Польше или Франции.

Вообще ВВП, сохраняя за собой статус ключевого индикатора экономического развития страны, не может быть основным показателем социально-экономического развития общества, тем более модернизации. Нельзя не согласиться с автором одной статьи в Интернете, который написал: «Очень хочется приплюсовать как-им-то образом к ВВП такие параметры, как продолжительность жизни, ощущение справедливости, уровень вежливости, чистоту подъездов и красоту клумб, чистоту воздуха и воды, свободу, скорость и доступность передвижения по стране и за ее пределы, доступность жилья, количество уважения; вычесть – количество унижения, грубости, насилия, уровень пьянства и наркомании. И тогда уже, в таком новом виде, провозгласить целью бесконечное удвоение ВВП как смысл нашей модернизации».

Сказано правильно. Необходимо лишь добавить, что к такому выводу некоторое время назад пришла и ООН, которая на протяжении ряда лет рассчитывает новый интегральный показатель – Индекс человеческого развития (HDI), включающий, помимо ВВП на душу населения, среднюю продолжительность жизни в данной стране, уровень образования и состояние здравоохранения. Пока в нем, как видим, еще не отражается степень вежливости людей, запах в подъездах и возле клумб, безопасность на улицах, чистота воздуха и воды, но сделан важный шаг в правильном направлении: ведь не хлебом единым жив человек. Этот индекс более точно (хотя далеко не идеально) показывает уровень развития людей, а не количество добытой нефти, срубленного леса или выпущенных экскаваторов.

Если модернизация будет пониматься нами в контексте хотя бы данного показателя, думается, что немалое число граждан ее не

только поддержат, но и сами включатся в ее реализацию. Пока же у нас еще нет сколько-нибудь продуманной национальной программы модернизации, своего рода «дорожной карты» комплексного обновления общества, трансформации различных его сторон, понимания ее механизмов и движущих сил. Есть лишь локальные проекты типа «Роснано», «Сколково» и скоростного «Сапсана», которые почему-то не очень вдохновляют граждан, а все чаще вызывают их недовольство, раздражение и даже протест. Причина проста – реализация подобных проектов не улучшает, а ухудшает жизнь многих людей. В частности, с началом эксплуатации «Сапсанов» резко увеличилось время простоев поездов и автотранспорта, десятки населенных пунктов Тверской области, где нет альтернативного сообщения, остались без транспорта. Неудивительно, что против «Сапсанов» развернулась самая настоящая партизанская война местных жителей.

Немало вопросов возникает и к VIP-проекту «Сколково», реализация которого началась неожиданно, без сколько-нибудь широкого обсуждения его с учеными и специалистами. Кроме того, организация этого проекта предусматривает устранение всех неудобных для нормальной экономической деятельности налоговых, законодательных и нормативных ограничений. Для «Сколково» будет переписан Налоговый кодекс, закон о местном самоуправлении, закон о региональной власти, Градостроительный и Земельный кодексы, законы о техническом регулировании, о таможенном тарифе и др. Возникает естественный вопрос: если власть понимает ущербность этих норм, то почему бы не скорректировать их на территории всей страны? Однако организаторы и спонсоры подобных проектов пока не мыслят в общенациональных масштабах, а идут по пути поиска частных решений, «латания дыр», что больно напоминает старания Акакия Акакиевича, героя рассказа Н. Гоголя, поставить новую заплату на старую шинель, чтобы не стыдно было появляться на людях.

Модернизация же в социальном смысле представляет собой усовершенствование всей системы общественных отношений в соответствии с требованиями современности. Она означает придание современного характера тем государственным и гражданским институтам, которые предполагается модернизировать, их приспособление к новым вызовам, потребностям, взглядам, идеям. В самой постановке задачи модернизации российского общества отчетливо слышится признание нашей отсталости, несовременности, «нездорового образа жизни» (А. Медведев), что для власти, судя по всему, было не легким делом после долгих лет сервильной пропаганды и победного триумфализма. Тем более, что современность, к которой мы стремимся, представлена экономически и демократически развитыми странами Запада,

которые той же пропагандой преподносились далеко не в лучшем свете.

«Если отбросить политкорректные условности, - пишет В.Мау, - то модернизация представляет собой достижение уровня технологий и институтов, характерных для современных западных демократий. Можно сколько угодно говорить о ценности различных цивилизаций и уважении к ним, о важности сохранения национальной идентичности, но непреложным фактом является то, что лидерами современного экономического роста являются западные страны. Более того, страны иных регионов мира, успешно решающие задачи модернизации, в процессе своей трансформации становятся все более похожими на западных «пионеров современного экономического роста» - как по структуре своей экономики, так и по существенным характеристикам политических институтов. ... Пока мы не знаем модели более эффективной, чем современная западная экономико-политическая система»⁴.

Разговор о модернизации напоминает нам об историческом масштабе предстоящих событий, а также издержках, связанных с проведением подобных мероприятий в прошлом. Как показывают исследования, Россия на протяжении последних примерно 300 лет провела несколько крупномасштабных модернизаций не только экономики, но и государственных институтов, что позволяло ей несколько сокращать отрыв от стран-лидеров, но в долгосрочном периоде глубина отставания сохранялась и колеблется по сей день на отметке в 50-70 лет⁵.

Если не вдаваться в детали, то фундаментальная причина такой ситуации кроется в том, что Россия в течение всего этого периода так и не выработала механизмов, делающих модернизацию самовоспроизводящимся процессом. Основной силой и субъектом российской модернизации всегда выступало государство, которое в критический момент мобилизовывало все ресурсы на модернизационный рывок, но спустя какое-то время выдыхалось, после чего начинался откат назад. В связи с этим важно правильно и трезво осмыслить имеющийся опыт, понять функциональную несостоятельность тех общественных институтов, которые обрекали Россию на положение «догоняющей цивилизации».

Один из принципиальных моментов, на который следует обратить внимание, состоит в адекватной идентификации типа российского государства и общества. В отличие от Европы, где при всех политических и социально-экономических потрясениях всегда легитимным оставался институт частной собственности, Россия, как и другие страны Востока, на протяжении всей своей истории развивалась под неусыпным и жестким присмотром деспотического государства. Результатом этого стало формирование двух исторических типов обществ: а) в Западной Европе развитие полуочи-

ли общества, основанные на собственности; б) на Востоке, включая Россию, - общества, основанные на власти. Именно поэтому в России стала складываться особая культура - властная, политическая, правовая, хозяйственная культура, - которую академик РАН Ю. Пивоваров назвал «властеецентричной». Властеецентричной в том смысле, что здесь в системе общественных отношений власть, государство всегда занимает центральное положение. В отличие от западной, от европейской культуры, которую он именуется «антропоцентричной» (от греч. антропос – человек), поскольку там в центре всегда находится человек. Человек как мера всех вещей. От человека все начинается. В России же – от государственной власти⁶.

Восточный тип общества стал отчетливо складываться на Руси еще в Московском царстве в ходе ликвидации татаро-монгольского ига и последующего территориального расширения страны. Такое «развитие вширь» (К. Маркс) загоняло Россию в своеобразную «имперскую ловушку»: отвлекало огромные ресурсы на охрану границ, удержание территорий, освоение все новых и новых земель. Это не только высасывало все соки нечерноземной метрополии, но и формировало особый тип власти, препятствовало зарождению частной собственности, вело к деградации сознания общества. В результате Россия «попала в плен, в «колонию», в заложники к военно- имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от вечной угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань государству, не принимал слишком острые формы, постоянно культивировалось «оборонное сознание» - ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным. ... Саморазвитие государства подавляло саморазвитие страны, уродовало отношения собственности. Культ государства изуродовал сознание общества, породил в нем ряд тяжелых комплексов, которые мешают нам рационально, с открытыми глазами видеть себя и мир даже сегодня»⁷.

Отсталость России от Европы осознавалась уже при первом Романове – Михаиле Федоровиче, начавшем реформу армии, направленной на использование европейского опыта. Но в тот период решение этой задачи далеко не продвинулось. Регулярной армии и флота создать не удалось. Школ были единицы при некоторых монастырях, и в тех обучение сводилось лишь к чтению Священного писания. Университетов не было, поскольку ученым в неграмотной стране неоткуда было взяться. Не было и врачей, на всю страну имелась лишь одна аптека, и та царская. К концу XVII в. разрыв между Западом и Россией был настолько велик, что один из крупнейших ученых Европы - Лейбниц -

без оснований полагал, что будущее России – превращение в колонию Швеции⁸.

Поэтому в задачу петровских реформ входило не только строительство флота и создание регулярной армии, но и модернизировать, осовременить всю Россию сверху донизу, перевести ее с азиатского пути развития на европейский. Правда, Петр поначалу тоже предполагал лишь пересадить западные новшества на почву российского вотчинного строя и тем ограничиться. «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, - говорил он, - а потом мы к ней должны повернуться задом»⁹. Однако, начав преобразования, Петр уже не мог остановиться. Он провел административную, экономическую, политическую и военную реформы, а также серьезные изменения в церковной жизни православной страны. Разумеется, все эта работа проводилась с небывалым напором, по наитию, наудачу, что потребовала огромных жертв со стороны простого народа. В стране, где средняя оплата труда не превышала четырех копеек в день, или 12 руб. в год, люди вдруг увидели, что с введением реформ им пришлось платить ежегодный налог по 1 руб. с человека. При этом власть стала изобретать самые невероятные налоги: на шапки, сапоги, бороды, кружева, на свадьбы, с пчелиных ульев, с печей, бань, арбузов, огурцов, орехов и т.д. Но главным налогом стала подушная подать. Налог брали не с живой души, а счетной. Если человек умирал, с него все равно родня платила налог до следующей переписи. Так появились те самые «мертвые» души, о которых мы знаем из гениальной гоголевской поэмы.

Но это было не самое большое бремя, которое легло на плечи простых подданных. Исследователи приводят данные о том, что в 1708 г. при строительстве Петербурга потребовалось 40 000 рабочих, которые все или почти все в течение года погибли, так что в следующем пришлось набрать такое же количество. В 1710 г. только мастеровых было доставлено со всей империи более 15 000 чел., в 1711 г. - сначала 6000, а потом 40 000 чел., и еще столько же в 1713 г.¹⁰. Эти рабочие, прежде чем умереть в смертоносных болотах от лютых морозов, болезней и невыносимых условий труда и быта, получали по полтиннику в месяц и выживали за счет местного населения, нищенствуя и занимаясь грабежами. Но город Петр все же построил, и с гордостью называл его «мой рай» (мой рай). Петербург стал первым не русским, но европейским городом, каким остается он и сейчас.

В отличие от других знаменитых и малоизвестных городов, которые обычно на протяжении человеческой истории вырастают естественным образом, рождение Петербурга стало волюнтаристским решением одного человека, создавшим «искусственный» город. Вот что писал об истории его рождения в стихотворении «Петербург» великий польский поэт, друг А. Пушкина Адам Мицкевич:

*С рожденья Рима, с древних дней Эллады
Народ селился близ жилия богов-
В лесах священных, у ручья наяды
Иль на горах, чтоб отражать врагов.
Так Рим, Афины, Спарта возникла.
А кто столицу русскую воздвиг,
Где жил чухонец, где царило море?
Не люди, нет, то царь среди болот
Стал и сказал: «Тут строиться мы будем!»
И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям.*

*У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил Сатана¹¹.*

Люди не хотели жить в странном, чуждом их духу городе, но их заставили. Сюда насильно перевозились на жительство и на работу все условия тогдашней России. Со времен строительства осталось страшное пророчество, которое историки приписывают то сыну Петра, царевичу Алексею, погибшему в застенках Петропавловской крепости, то матери Алексея, первой жене Петра Авдотье Лопухиной, заточенной царем в монастырь, то дьячку Троицкой церкви, что стояла напротив первого дома Петра в новом городе: «Быть Петербургу пусту». Даже А.Пушкин, остро чувствовавший странный, мистический дух нового города, не смог обойти эту тему постоянно висящего над Петербургом ощущения близкой катастрофы. Его «Медный всадник» пронизан этим предощущением беды и гибели города в невских водах.

Непосильные налоги, тяжкий крепостнический труд, нескончаемые военные баталии привели к тому, что во время царствования Петра I численность населения России сократилась на 20%, не считая жертв, принесенных делу модернизации в тюрьмах, разбросанных по всей стране, и в казематах Петропавловской крепости.

Нельзя забывать, что Россия Петра I – это сплошной лагерь, огромная военно-бюрократическая машина. В ней не было, как писал К.Валишевский, «ни очага искусств и наук, ни очага духа, откуда сиял бы над миром свет великодушных идей, составляющих высшую и лучшую славу других стран. Петр превратил русских в народ чиновников, рабочих и солдат, но никак не в народ мыслителей и художников. Практичный, не признававший никаких возвышенных стремлений, он научил или старался научить пользованию усовершенствованным оружием, чтению, счету, но не благородным порывам ума и сердца, культу прекрасного, а также доброты и жалости. Может быть если хорошенько вдуматься, обстоятельства покажутся естественными, следовательно, заслуживающими оправдания, и, принимая во внимание достигнутые результаты, кто из русских теперь

пожелал бы уничтожить сделку, кровавый договор, заключенный предками с их грозным деспотом?»¹².

Но надо признать и другое: Петр I был сыном не только своего народа, но и сыном своего века. Он пришел в свое время, и пришел вовремя, чтобы дать обреченному на бездействие и спячку народу, в котором копилась огромная энергия, настоящую работу. И посеянные им семена принесли спустя столетие реальные плоды, в том числе и в сфере духа. Тот же Валишевский подчеркивал, что Петр «дал своему народу пример жизни, где прискорбные пороки, результаты потомственных недостатков, сочетались с высокими добродетелями; и история показала, какая чаша весов перетянула. Стомиллионный народ развернул перед взорами старого европейского мира, удивленного и встревоженного, силу, элементы которой, бесспорно, не исключительно материальные»¹³.

В ходе реформ Россия сделала заметный шаг в сторону Европы. Вся система управления была переделана на западный лад. Такие институты московской Руси как Боярская дума, коллективные сходы, сильное влияние на политику духовенства были уничтожены полностью. Петр ввел в государственное управление западную рациональность и пунктуальность, распространил по всей империи юридический трактат Самуили Пуффендорфа, чуть ли не насильно заставлял изучать его сенат и придворных. Государственные законы и армейские уставы писались по шведским и английским образцам. Характерно, что практически все царские рескрипты и указы реформированного государства писались Петром собственноручно, поскольку у него не было советников умнее его. Так что петровскую Россию можно по праву считать продуктом его личного творчества.

Распоряжения и указы касались не только переустройства системы государственного управления и армии, но и затрагивали сферы хозяйственной, а также личной жизни. Так, купцам царь предписал довольствоваться прибылью, не превышающей 10%. Крестьянам указывалось жать хлеб не серпами, а косами. Церкви – «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». Печникам – «чтобы печи делали с фундаменту, а не на полах, чтобы трубы были широки, чтобы человеку пролезть было возможно». Чиновникам – принимать коллегиальные решения, «потому что, что не додумает один человек, додумает другой». Всем мужчинам – «брить бороды». Дворянам, для того, чтобы стимулировать поступление дворянских детей на государственную службу, было предписано передавать в наследство имение только одному сыну, чтобы остальные, оставшись без средств, становились служилыми людьми. Был также издан указ об обязанности выполнения всех царских указов, «чтобы никто не дерзал иным способом всякие дела вершить и располагать против регламентов». Наконец, в 1722 г. царь

выпустил Табель о рангах, где была определена иерархическая лестница чиновников, обеспечивающая продвижение вверх самых талантливых и способных управленцев.

Новаторские идеи и подвижническая продуктивность императора были совершенно беспрецедентны для Руси начала XVIII в. и преследовали цель, по словам выдающегося религиозного философа В. Соловьева, «сломать стену, отделявшую Россию от человечества, разрушить умственный и жизненный строй, основанный на языческом обособлении. Это дело Петр Великий сделал прочно, бесповоротно»¹⁴. Далее Соловьев подчеркивает, что на исторической почве московской Руси, располагавшей «крайней скудостью умственных средств», русский народ был «обречен на духовное бесплодие» по причине «отделения России от всего прочего мира, уклонения от вселенского христианского пути». Поэтому вопреки «всякой видимости реформа Петра Великого имела, в сущности, глубоко христианский характер, ибо была основана на нравственно-религиозном акте национального самоосуждения. Чтобы быть плодотворным, этот нравственный акт должен был непрерывно возобновляться. Россия не могла вдруг переродиться; реформа Петра Великого только открыла для нее путь поступательного движения и совершенствования. Верное этому пути общество должно было постоянно возбуждать в себе недовольство своею действительностью, сознание своих общественных недугов и пороков. Уничтожение смертной казни при Елизавете, отмена пыток при Екатерине II, упразднение крепостного права при Александре II – вот крупные плоды того христианского направления, которое дал внутренней русской политике «антихрист» Петр»¹⁵.

Реформы Александра II стали действительно выдающейся вехой в истории российских модернизаций. По своей радикальности и слову устоев русской жизни они уступают лишь петровским преобразованиям. Начиная с них и далее, вот уже 150 лет, вся история России – резко поколенческая. Каждое новое поколение живет не так, как предыдущее. Дети стараются переделать, модернизировать ту систему, которую строили их отцы¹⁶.

Главным звеном александровских реформ было освобождение крестьян от крепостной зависимости. Необходимость этого шага осознала еще Екатериной II, но сделать его она не решилась. При Николае I, совсем не либеральном монархе, существовало целых девять секретных комитетов по крестьянскому вопросу, однако и они не привели к его решению. Потребность решить этот вопрос не просто назрела, а перезрела, о чем сам Александр II говорил еще за пять лет до издания манифеста 19 февраля 1861г.: «Лучше отменить крепостное право свыше, нежели дожидаться, когда оно само собою станет отменяться снизу».

За крестьянской реформой последовали и

другие – судебная, земская (реформа местного самоуправления), военная, университетская, цензурная. Реформы «разбудили» общественную жизнь. Лучшие умы России принялись ставить, обсуждать и разрешать самые разные социальные вопросы. В стране властителями дум стали толстые журналы, продолжавшие «золотой век» русской литературы. За 20 лет Л.Толстой и Ф. Достоевский, И.Тургенев и Н.Гончаров создали русский роман, А.Островский – русскую драму, Н.Некрасов – народную поэзию, Н.Лесков – народный сказ, А.Чехов – новаторские по своей форме и методу рассказ и повесть. В записной книжке Чехова есть важные слова: «за новыми формами в литературе всегда следуют новые формы жизни...»¹⁷.

Эти формы действительно стали пробивать себе дорогу на русском бездорожье: александровские преобразования постепенно и мучительно отменяли институты крайне архаичного феодально-крепостнического строя и подготавливали условия для перехода от аграрной цивилизации к индустриальному обществу¹⁸. Поставленную задачу пришлось решать и следующим правителям России, в том числе коммунистическим, которым в 1930-е годы все же удалось совершить колоссальный промышленный рывок и превратить страну в мощную индустриальную державу. Об этом периоде советской истории написаны тысячи книг и статей, в которых отображен поистине героический подвиг народа и те жертвы, которые пришлось ему понести в ходе «социалистической реконструкции».

Однако было бы неправильно ставить знак равенства между индустриализацией и модернизацией. Страна, формально совершившая структурную перестройку и создавшая ряд отраслей тяжелой индустрии, совсем не обязательно становится модернизированной. Известно, что индустриализация порождает тенденцию к урбанизации, росту профессиональной специализации и повышению уровня образования в обществе, которое пошло по такому пути. Все эти явления представляют собой ключевые элементы того направления, которое в целом принято называть «модернизацией». Однако подлинная модернизация порождает также тенденцию к проявлению менее очевидных, но не менее серьезных последствий. Таких, например, как повышение уровня гражданской активности масс, трансформация культурных ценностей, изменение базовых норм политической, трудовой, религиозной, семейной жизни и т.п., что на определенном этапе приводит к рождению качественно нового направления – к «постмодернизации», как об этом свидетельствует опыт Запада.

Ничего подобного в советской практике не происходило. Здесь индустриализация была проведена с упором на априорно выбранные властью цели (в первую очередь, на милитаризацию) и без разумного учета как текущих, так

и долгосрочных жизненных интересов подавляющего большинства населения. Поэтому и результаты такой индустриализации оказались крайне противоречивы. С одной стороны, многие предприятия и отрасли стали весьма полезными для экономики, но с другой – именно в просчетах индустриализации кроются причины того колоссального трансформационного спада, через который пришлось пройти всем постсоветским республикам в 1990-е годы. «Так же как человек с сильно развитой мускулатурой далеко не всегда способен победить в схватке специально подготовленного к ней борца, так и рельеф «промышленной мускулатуры» не является признаком эффективной, модернизационной экономики¹⁹».

К сказанному следует добавить, что советская индустриализация, как и последующее развитие, сопровождалась подавлением реальных политических свобод и гражданской активности населения, идеологическим «промыванием мозгов», уродовавшим сознание и мировоззрение людей. Реформы Н. Хрущева конца 1950-х годов породили надежды на демократизацию советской системы, однако весь оптимизм рухнул, когда с середины 1960-х годов в стране воцарился авторитарный режим, которому, казалось, не будет конца. Все это говорит о том, что индустриализация способна вести не только к демократии, а в последствии и к постмодернизации, но и к диктатуре, застою, и, в конечном счете, к краху самой системы.

В целом, подводя итоги исторического экскурса модернизационных преобразований в России на разных этапах ее развития, следует отметить, что, несмотря на различия конкретных задач и целей, все они имели и некоторые общие черты. Их отличает, прежде всего, ускоренный, или догоняющий характер. Во все периоды центральным в модернизационных проектах был вопрос преодоления в сжатые сроки серьезного, а порой унижительного социально-экономического и культурного отставания России от наиболее развитых на тот момент стран Европы. Как следствие – спешка, непродуманность многих как текущих проблем, так и перспективных задач и целей, стоящих перед страной, неоправданные жертвы (материальные и людские), которые пришлось понести обществу на избранном пути.

Отсюда – следующая особенность российских модернизаций: избирательный, некомплексный характер, когда преследовалась цель прорыва на отдельных направлениях и игнорировались или даже приносились в жертву остальные. Как подчеркивает В. Мау, страна ставила и решала задачу модернизации в первую очередь в военной сфере и в сопряженных с ней отраслях (металлургия, железнодорожный транспорт, космические исследования), и гораздо меньше внимания уделяла модернизации экономических отношений и культуры, которыми начинала всерьез заниматься тогда, ког-

да общее отставание оказывалось критически опасным. Что же касается политической системы, то необходимость ее изменений не только полностью игнорировалась, но, напротив, все ее институты консервировались на максимально продолжительные периоды времени. Именно данное обстоятельство обуславливало последующее очередное отставание страны. И только тяжелейшие системные кризисы приводили к политическим реформам, как это произошло в середине XIX века, в начале и в конце XX века.²⁰

Наконец, третья характерная черта российской модернизации (впрочем, присущая и другим странам, шедшим когда-либо по дороге «догоняющего» развития) заключается в том, что ее проведение сопровождалось возрастанием экономической роли государственной власти. Упование на силу и возможности государства объясняется слабостью или отсутствием рыночных механизмов, в первую очередь предпринимательской функции, в задачу которой, как отмечал еще И. Шумпетер, входит «созидательное разрушение», то есть создание новых комбинаций, новых систем отношений, непредвиденным следствием которых и является инновационное развитие. Именно оно ведет, в конечном счете, к модернизации производства и человеческого потенциала.

Превращение экономики страны в начале XXI века в преимущественно сырьевую, когда большинство конечных товаров, и в первую очередь потребительских, ввозится из-за рубежа, во многом является следствием перечисленных особенностей российских модернизаций. Результатом той экономической политики, которую проводило российское государство на протяжении не одного десятилетия и даже столетия. Россия вписалась в систему международного разделения труда как цивилизация «низких переделов», поставщик сырья и полуфабрикатов. «Лен, пенька, лес, металлы, газ, нефть, «утекающие» мозги и знания, неосвоенные изобретения и открытия – один ряд сырьевых продуктов. В этой традиции люди – тоже сырье, расходный материал свершений. Страна делается вечной заготовкой под будущее правильное существование. Бросить на полпути, оставить «на потом» – все это становится обычаем поведения в быту, в работе, в модернизациях и реформах, в самой истории».²¹

Болезнь незавершенности, привычка все начинать и ничего не доделывать, «сырьевое проклятье» имеют и культурную составляющую. Они не появились «вдруг» и «ниоткуда», а выросли на почве определенных ценностей, культивировавшихся государством и его институтами на протяжении длительного периода времени. В настоящее время все большее число экономистов, вслед за социологами, признает, что любое восприятие реальности происходит через некие культурные фильтры. Более того, «культурно-ценностная парадигма» является одним из важнейших факторов, формирующих

людовой опыт и людское поведение при преобразовании реальности, принятии хозяйственных, политических и прочих решений.

Известный советский историк М. Гефтер, указывая на тесную связь времен, отмечал, что «настоящего нет, есть продленное прошлое». То, что мы имеем сегодня (в экономике: отсталая структура производства, низкая трудовая дисциплина, некачественный труд; в политической и правовой системе: авторитарность власти, неприятие инакомыслия, пренебрежительное отношение к закону и демократическим институтам; в области морали: лояльное отношение к коррупции и обману, равнодушие к поиску истины, неспособность преодолеть ненужную сегодня военную ментальность, нездоровый образ жизни), - не с неба свалилось, а досталось в наследие от нашего исторического прошлого. Ведь история в широком смысле есть процесс развития культуры – системы воззрений, ценностей и знаний, которые широко распространены в обществе и передаются из поколения в поколение, ограничивая набор возможностей в настоящем.

Нельзя забывать, что культура – это живой организм, это то, что растет и развивается (как появившийся на свет ребенок, как яблоко в саду). Мы не можем «построить» дерево; мы должны его посадить, ухаживать за ним и ждать, пока оно вырастет. Только так формируется культура: она вырастает под влиянием многих факторов - религии, мифов, идеологии, природной среды и т.д. Об этом важно помнить. Так же, как нельзя забывать и о другом: «Когда садовник сажает деревцо, плод наперед известен садоводу». ²² Выше было показано, какие «деревья» сажал наш садовник, - российское государство, - и почему сегодня они приносят не те плоды, в которых нуждается общество, стремящееся стать современным. Отсюда и постановка задачи модернизации, которую надо понимать не как «догнать и перегнать Португалию», а как изменить себя, свои вековые привычки и традиции, свою идеологию и мораль. Чтобы открыть путь такой модернизации, нам придется начинать преобразования с человека, с формирования нового, современного этоса мышления, с открытого, смелого и прагматичного взгляда на мир.

Ставя задачу модернизации, необходимо отдавать себе отчет в том, что в настоящее время и в обозримом будущем обществу предстоит очень трудная борьба на поприще воспитания и образования подрастающего поколения, привития молодым людям трудовой этики, создания условий для самореализации личности. Только героизация прошлого, пропаганда бесшабашной отваги и патриотизма не могут служить в современную эпоху стимулом нашего движения вперед. Люди будут модернизировать страну не потому, что они ее патриоты, а потому, что здесь созданы условия для безопасной и комфортной жизни, интересной и перспективной

работы. А это возможно лишь при объективном восприятии реальности, осознании истинных целей и, непременно, утверждении базовых либеральных ценностей: доступности информации, свободы самовыражения, личной жизни, передвижения по миру и т.д.

Следовательно, если мы хотим модернизировать общество, нам предстоит войти в другое ментальное пространство, снять с себя вековые культурные оковы, понять, что без упорного и творческого труда, без бережливости, деловитости, аккуратности в любом начинании невозможно вырваться из серой реальности, преодолеть отсталость и бедность. Достойная и обеспеченная жизнь, к достижению которой мы стремимся, заключена не в запасах нефти и газа, не в количестве населения, и даже не в машинах и технологиях, а в человеческом духе, и особенно – в способности людей думать и творить. Наполеон некоторое время тому назад говорил: воюют меч и дух, но, в конечном счёте, побеждает не меч, а дух. Такая же диалектика работает и в экономике. Забывать об этом – значит снова обречь себя на движение в тупик и в результате отстать навсегда, повторив судьбу Египта, Южной Родезии (Зимбабве), Аргентины и ряда других стран Латинской Америки.

Опыт указанных стран представляет хорошую почву для понимания причинно-следственной связи между культурой и экономическим развитием. В частности, латиноамериканский регион, который в Европе когда-то считали миром неограниченных возможностей, не реализовал свой потенциал и теперь обманывает ожидания своих народов. Как отмечал бывший президент Коста-Рики, лауреат Нобелевской премии Оскар Ариас на проходившем в Москве в мае 2010 г. международном симпозиуме «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», этот провал «не стоит связывать с нехваткой природных или интеллектуальных ресурсов, поскольку в Латинской Америке за десятки лет до открытия Гарварда уже было пять университетов, а ее экономика конкурировала с экономиками стран, которые сейчас являются процветающими. Развитию региона скорее препятствовали культурные и психологические проблемы, в том числе сопротивление переменам, страх нового, правовой нигилизм, милитаристский дух. Понимание и выявление этих проблем в Латинской Америке и во всем мире – первый шаг к смене парадигм, что позволит развивающимся странам достичь прогресса, к которому они стремятся». ²³

Такой вывод в полной мере относится и к России, которая в конце XIX в. тоже рассматривалась как страна безграничных перспектив. К сожалению, российское общество, в первую очередь так называемая политическая элита, не хочет этого понимать. Оно заслоняется от исторического и экономического дефолта разного рода «чарами прошлого», которые до сих пор не развенчаны и непонятно, произойдет ли

когда-либо это развенчание. Страны Восточной Европы и ряд бывших советских республик стали дистанцироваться от России и дрейфовать в сторону Запада не потому, что там в свое время возобладали русофобские настроения, как об этом утверждала и продолжает утверждать официальная пропаганда. Дело совсем в другом. Россия оказалась для них не привлекательной как цивилизация: ни своей политической системой, ни законами, ни администрацией, ни образом жизни, поскольку ассоциируется с регрессом.

И никакая «нефте-газовая зависимость» этих стран от России не способна радикально изменить ситуацию. Мир все больше приходит к пониманию того, что в постиндустриальную эпоху природа богатства трансформируется таким образом, что минеральные ресурсы уже не являются конкурентным преимуществом. По данным экономистов Всемирного банка, в начале XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет лишь 2%, доля физического капитала – менее 20%, а удельный вес ресурсов, воплощенных в людях, достигает 4/5. В России же на долю природного капитала приходится 44% национального богатства, на производственный капитал – 41%, на человеческий – всего 15%.²⁴

Таким образом, богатство сегодняшнего дня в развитых странах по природе своей нематериально – это главным образом результат образования и доверия, создаваемых в обществе и формирующих новую форму богатства: человеческий и социальный капитал. Сырьевая же модель экономики, базирующаяся на экспорте энергоносителей, фактически является проклятием для страны и ее населения, поскольку сопровождается проблемами, сдерживающими модернизацию экономики, ее социальную и инновационную ориентацию. К числу этих проблем следует отнести: «голландский синдром», ведущий к повышению реального обменного курса национальной валюты и заработной платы, что ведет к снижению конкурентоспособности продукции обрабатывающих отраслей; «эффект вытеснения» природными активами человеческого капитала, так как сырьевые сектора предъявляют более низкие требования к уровню науки, технологий и образования по сравнению с отраслями с высокой добавленной стоимостью. Например, в настоящее время сырьевые сектора российской экономики обеспечивают лишь около 1,7 миллионов рабочих мест с достойной зарплатой, а остальное население они обречают на прозябание потому, что нет спроса на высококвалифицированные кадры для промышленности, сельского хозяйства, научных центров, конструкторских бюро и т.д.; «рентную ловушку» – иллюзию правильности избранного курса, которая отвлекает внимание общества и власти от совершенствования структуры производства и институтов современного развития, переключает их на непродуктивную деятельность.

Если нам удастся извлечь собственные исторические уроки, то нынешний модернизационный проект может положить начало качественно новому этапу в экономической и социально-политической истории России, обеспечить такой цивилизационный скачок, который выведет страну на новый путь. И тогда движение по этому пути будет не моментом в перманентной череде застоев и деградаций, стимулируемым внешними угрозами и государственным принуждением, а непрерывным и поступательным процессом действия эндогенных факторов, в основе которых будут лежать стимулы и интересы отдельных людей и общества в целом.

При этом, чтобы быть успешной, модернизация России должна быть европоцентричной, опираться на те цели, задачи и институты, которые обеспечили Западу лидирующие позиции в современном мире во всем, что касается экономики, образования, технологий, защиты прав личности, очеловечивания жизни. Добиться этого не просто, учитывая мощное сопротивление процессу вестернизации в обществе, но после 25 лет непрекращающихся «перестроек», «ускорений» и «реформ», необходимо смириться с тем, что страна на сегодняшний момент не сможет осуществить модернизацию в одиночку.

В заключение хотелось бы привести иностранную выдержку из книги великого мыслителя XX в. Исаии Берлина «Подлинная цель познания», в которой автор, размышляя о выборе путей развития человеческой цивилизации, пишет: «Первейшая обязанность общества – избегать чрезмерного страдания. Революции, войны, убийства, чрезвычайные меры могут быть оправданы только в самых крайних случаях. Но история учит нас, что их последствия редко совпадают с тем, что ожидалось; нет никаких гарантий, а иной раз нет даже и достаточно большой вероятности, что подобного рода действия приведут к улучшению. Мы можем идти на крайние меры и в личной жизни, и в социальной политике, но мы должны осознавать и никогда не забывать, что мы можем ошибаться, что абсолютная уверенность насчет последствий таких мер неизбежно ведет к страданию невинных, которого можно было бы избежать. Поэтому мы должны заниматься тем, что называется взаимовыгодным обменом: правила, ценности, принципы должны уступать друг другу в разной степени в зависимости от ситуации. Утилитарные соображения иногда бывают ошибочными, но чаще, думается мне, оказываются благотворными. Как правило, лучшее, что можно сделать, это поддерживать неустойчивое равновесие, помогающее предупредить возникновение безнадежных ситуаций и невыносимых выборов – таково первое требование, предъявляемое к достойному обществу, – к обществу, к которому мы всегда можем стремиться при всей ограниченности нашего знания и несовершенстве нашего понимания

людей и сообществ. Некоторая скромность в этих вопросах совершенно необходима».²⁵

Представляется, что именно западные страны, отвечая на вопрос, как следует жить, что могут и должны делать простые люди и власть имущие на пути к прогрессу и процветанию, давно пришли к пониманию необходимости «взаимовыгодного обмена» и поддержания «неустойчивого равновесия» в экономике, политике, во всех сферах общественной жизни, иначе они не стали бы тем, за кем стремятся идти остальные.

S. Ivashkovsky. *The Modernization of the Russian society: historical experience and some current challenges*

Summary: *The article analyzes the logic and contradictions of modernization projects which have ever been carried out in Russia. It is stated that these projects were incomplete, imposed by the authorities and, as a rule, failed to reach the goals set. It is important to revise the role of the society and culture for the current modernization project to be successful.*

Ключевые слова

модернизация, индекс человеческого развития, постиндустриальная экономика

Keywords

modernization, Human Development Indicator, a post-industrial economy

Примечания

1. Независимая газета. 20.04.2010 г.
2. Подробнее см.: Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 388-389.
3. Цит. из статьи В. Мау, в которой он напоминает, что С. Струмилин стал единственным экономистом – Героем Социалистического Труда, получив эту награду к своему 90-летию (Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 419)
4. В.Мау. Сочинения в шести томах. Том 1. М., «Дело», 2010, С. 26-27.
5. Власть и реформы. М., ОСМА-ПРЕСС: Экслибрис, 2006, С.349.
6. Ю.Пивоваров. Тенденции русской государственности и современность. 1-я лекция. www.tvkultura.ru.
7. Е.Гайдар. Восстановить единство с Европой. – В кн.: Д. Травин, О. Маргания. Европейская модернизация. В 2-х кн. М., СП.2004, кн.2., С.565.
8. Молчанов Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986.С.428.
9. В.Ключевский. Курс русской истории. М., 1937. IV. С. 225.
10. Казимир Валишевский. Петр. М., 2004, С.455-456.; Глузман С.А. Ментальное пространство России. СПб. 2010. С.56.
11. Адам Мицкевич. Избранная поэзия. М., 2000, С.243-244.
12. Казимир Валишевский. Указ. соч., С. 456.
13. Указ.соч., С. 343.
14. Соловьев В. Национальный вопрос в России. М., 2007. С. 216.
15. Указ. соч. С.217-219.
16. См.: Российская империя: занимательная история. М., 2009. С.334-343.
17. Чехов А.П. Рассказы и повести. М., 1981. С.16.
18. Имея в начале реформ 18-кратное отставание от Англии, - тогдашнего мирового экономического лидера - Россия за первые 10 лет преобразований более чем удвоила свою долю, став пятой промышленной державой мира. Выше подняться ей никогда не удавалось, только сокращали разрыв (См.: Российская империя: занимательная история. С.333).
19. Д. Травин, О. Маргания. Европейская модернизация. Кн. I. М., СПб. 2004. С.52.
20. В.Мау. С. 31-32.
21. А.Рубцов. Приведение к современности.- Независимая газета. 14.04.2010.
22. Й.В.Гете. Фауст. М., 1998. С. 24.
23. (<http://Huntington.hse.ru/abs>).
24. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б.З. Мильнера. М., 2010. С. 49-50.
25. Берлин Исаия. Подлинная цель познания. М., 2002. С. 21-22.